

АДАМ ЯСКУЛЬСКИ

Варшавский университет (Польша)

Влияние польского языка на семантику, синтаксис и прагматику предлогов в речи старообрядцев, проживающих в Польше

Целью настоящей статьи является представить результаты возможного польского влияния на семантику, синтаксис и прагматику предлогов, выявленные в речи старообрядцев, проживающих в Польше. Языковую ситуацию старообрядцев, проживающих в Польше, следует определить как островную. Островная ситуация сопровождается ситуацией языкового контакта, следствием которого является интерференция. Русский говор старообрядцев подвергается постоянному влиянию польского языка. Интерференция проявляется на разных уровнях диалектной системы. В статье приводятся встреченные в речи “польских” старообрядцев употребления предлогов, которые свойственны также польскому языку и которые, по всей видимости, представляют собой результат влияния последнего.

Ключевые слова: двуязычие, интерференция, польский язык, русский говор, семантика, старообрядцы, языковой остров

Языковую ситуацию польских старообрядцев можно определить как островную (подробнее см.: [Grek-Pabisowa 1999a, 69–70]). Старообрядцы в Польше формируют языковой остров, т. е. “территорию, оторванную от языкового материка” [там же]. С одной стороны, представители языковых островов овладевают языком окружающего общества, с другой — стараются сохранить язык своих предков (о подобных ситуациях см.: [Дуличенко 1998, 26]). Островная ситуация сопровождается ситуацией языкового контакта, при которой попеременно используется два языка (двуязычие), следствием чего часто является интерференция — случаи отклонения от норм каждого языка, встречающиеся в речи билингвов как результат их знакомства с более чем одним языком [Weinreich 1963, 1]). До Второй мировой войны польские старообрядцы представляли собой замкнутые общины, живя в анклавов и редко общаясь с поляками. Благодаря этому сохранился их язык — говор,

который исследователи обычно определяют как относящийся к псковской группе, т. е. к группе западных среднерусских акающих говоров (подробнее см.: [Grek-Pabisowa 1968, 167]). Вследствие всё более частого общения с поляками наблюдается усиление влияния польского языка на говор старообрядцев. Интерференция проявляется на разных уровнях диалектной системы: фонетическом, лексическом (в том числе в сфере фразеологии), словообразовательном и синтаксическом¹. Согласно С. Гжибовскому, актуальное состояние говора польских старообрядцев можно определить как гибридизацию: “смешение двух языковых систем в таком виде, когда одна из них составляет основную структурную базу для функционирования элементов как первой, исконной системы (т. е. системы родного языка), так и системы вторичной, чужой, которая со временем начинает играть всё ббльшую роль в возникающем этнолекте, который подчас становится непонятным для тех, кто знал и понимал исходное состояние. Именно такой процесс происходит в исследуемом говоре, где русская диалектная база псковского типа постепенно приобретает польское фонетическое, лексическое, идиоматическое и фразеологическое наполнение. Исконно псковской с некоторыми белорусскими примесями остаётся морфологическая система вместе с явлениями, зависящими от неё [...] Эти явления и составляют тот формально-грамматический каркас, который позволяет утверждать, что возникающий говор является русским” [Grzybowski 2010, 70–71].

В повседневной жизни в зависимости от коммуникативной ситуации старообрядцы-билингвы употребляют русский говор или же польский язык. Трудно однозначно определить, какой вид двуязычия представляет собой билингвизм польских старообрядцев. Согласно Дороте Пасько-Конэчняк [Paško-Koneczniak 2011, 44] и Михалу Глушковскому [Głuszkowski 2011, 99–100], их двуязычие можно определить как билингвизм с диглоссией: “Poruszając się między pojęciem ścisłego bilingwizmu a dyglosją i próbując ustalić różnice pokoleniowe i społeczne tych zjawisk oraz powiązanie ich z pojęciem świadomości językowej ich nosicieli, można stwierdzić, że w przypadku rosyjskiej gwary старообрядców mamy do czynienia z pewnym rodzajem dwujęzyczności, a mianowicie bilingwizmem o charakterze dyglosyjnym, a nie z czystym bilingwizmem” (Paško-Koneczniak 2011, 44).

Выбор языка в исследуемой нами общине в значительной степени зависит от сферы жизни и ситуации. Это по-разному отражается в речи представителей всех поколений. В старшем поколении говор употребляется в частной, семейной и соседской жизни. У представителей среднего и молодого поколения именно польский язык, а не русский

говор выполняет важнейшую коммуникативную функцию, употребляясь при общении в семье или с соседями (см. подробное описание в [Paśko-Konecniak 2011, 44–45] и [Głuszkowski 2011, 88–94]). С точки зрения актуального состояния диглоссии польских старообрядцев важным является факт, что у представителей младших поколений наблюдается всё более низкий уровень владения русским говором, который постепенно вытесняется польским языком (см. подробнее [Głuszkowski 2011, 99–100]).

Следует упомянуть о контакте рассматриваемого говора с белорусским языком и его говорами. И. Грек-Пабис отмечает, что при исследовании говора польских старообрядцев обнаружен ряд особенностей, характерных для белорусского языка. Предки староверов, проживающих в Польше, родились в окрестностях Великих Лук — на территории западной части средневеликорусских акающих говоров, где перекрещивались черты северновеликорусских и южновеликорусских говоров, некоторые черты восточной группы средневеликорусских говоров, а также особенности белорусских говоров. Поэтому вполне естественно, что именно в говоре польских староверов, долгое время свободном от влияния русского языка, сохранились черты, характерные для белорусского языка и его говоров, что обусловлено территориальной близостью родной земли староверов и компактной белорусской языковой территории. Возможно также, что черты, характерные для белорусского языка и его говоров, поддерживались в результате контакта с белорусским языком во время постепенного перемещения старообрядцев на запад, а также уже после поселения на территории сегодняшней северо-восточной Польши, поскольку в местных польских говорах наблюдается восточнославянское влияние, что отмечено в [Грек-Пабис 1999b, 117–127].

Цель настоящей статьи — представить результаты возможного польского влияния на семантику, синтаксис и прагматику предлогов, выявленные в речи старообрядцев, проживающих в Польше. В статье употребляется формулировка “возможное влияние”, поскольку часто трудно установить, каким путём та или иная языковая единица или то или иное ее употребление появилась в идиолекте носителя говора и является ли она результатом внешнего влияния, т. е. интерференции.

Поскольку до настоящего времени нами проанализирована приблизительно треть языкового материала, собранного во время научных экспедиций (немногим больше 100 из более чем 300 часов звучания), настоящее исследование представляет собой предварительные наблюдения по данному вопросу. Чтобы установить, имеют ли конкретные явления системный или индивидуальный характер, приводится

статистическая информация о частотности предполагаемого интерферентного употребления предлогов и о количестве информантов, у которых оно было отмечено.

Исследовалась речь нескольких десятков информантов — представителей разных поколений старообрядцев августовского, сувалкского и мазурского регионов². Анализируемая речь записывалась, в основном, во время экспедиций 1999–2016 гг. Речь некоторых информантов записывалась раньше, начиная с 1960-х гг.

Ниже приводятся употребления предлогов, которые, по нашему мнению, в речи польских старообрядцев являются результатом влияния польского языка.

1. Предлог [*am*] (= *от*)

С род. п. в сравнительных оборотах употребляется для указания на лицо, с которым происходит сравнение:

Но а тапéрь ужэ́ э́ты Новичэ́нки..., он, что был аццём Новичэ́нко, то о год малбдиэ́ am мя́я.

Стáрый чаты́рнаццать лет am маё́ва аццá.

Сястрá стáршыя am мя́я.

Возможно, такое употребление предлога является семантической калькой с польского языка, где конструкции с предлогом *od* относятся к самым распространённым сравнительным конструкциям. Подобное значение предлога *от* отмечается в ПОС-23, СБГ-1, а также в СРНГ-24 (кубан. и курск.). Названная конструкция фиксируется также в [SGS, 16–17], где приводится три примера употребления. Однако в исследованных текстах наиболее частотной сравнительной конструкцией являются конструкции с предлогом *за* + вин. п., напр.: *Ну, ён старэй дэсцить лет стáршы́й за яну́; Я за сястру́ стáршэ́, я за яну́ стáршэ́ пять лет; Красáвец был мой муж, был стáршэ́ за мя́я шесть лет*, а также беспредложные конструкции. Кроме того, все три приведенные выше употребления предлога [*am*] встретились в речи трех информантов, для идиолекта которых характерна высокая степень польской интерференции на всех уровнях языка.

2. Предлог *до*

2.1. С род. п. в функции обстоятельства места употребляется в конструкциях, обозначающих направленное движение (соответствует предлогам *в* + вин. п. и *к* + дат. п. русского литературного языка). Отмечено 20 употреблений данного предлога у 16 информантов, напр.:

А патом до Лебэфэльдэн нас завязьлі, к хазяину.

И патом этава там ужэ эты, знаіме, polska władza, do soltysów, i nas od soltysa do soltysa vé..., привязьлі аз до Вору, до Габóвых Грóндав.

Патом эты, но! до пагэрав нагаваривали, то паэхал работатъ.

Пóсьли в армию ужэ брáli в пиисят трéтим. Приэхал до Augustowa. Там до о! до бáтьки, до аццá, и на камісью ста..., стал вайсковáй, не?

Бо да меня ані сюдá приежджáли чáсто на палявáнья.

Аж падхóдит да нэва цыгáнка, а ён гаварíт и жáлицца.

Я вóсинью эхала, двятава наябрá я паэхала, адíнацатава там бýла. Ну вот я пóездам да Руцáнава, а с Руцáнава пóездам да Варшáвы, з Варшáвы тóжэ пóездам аж тудá.

Дáжэ к Крыстьíны мáла кадá хажу́. Ужэ в нáглим, w паглут wypadki, то я иду́. А так, янá прихóдит да мнé.

А пóсьли мы хадíли да тавэрны на півка.

По мнению И. Грек-Пабис [Grek-Pabisowa 1968, 163], такое употребление предлога *до* является калькой с польского (польск. *do jakiegoś miejsca, do kogoś*) или белорусского языков. В том же значении наряду с конструкциями с предлогом *до* встречаются также конструкции с предлогом *в* (с названиями мест) и предлогом *к* (с названиями лиц), и именно последние употребляются значительно чаще. В ПОС-09 рассматриваемое употребление предлога *до* не отмечено, но оно отмечается в СРНГ-08 (урал., черниг., куйбыш., клин., моск., ворон., дон.), а также в СБГ-2. В SGS примеры подобного употребления предлога *до* фиксируются лишь с названиями мест (см. [SGS, 57–58]).

2.2. С род. п. обозначает предмет (или совокупность предметов), на который распространено действие, точнее, к которому что-н. прибавляется:

Ну и нёмцы — рэзым два гóда, мáю трíццатъ шэсь(т)ь год рабóчых да марытуры залічэна.

В ПОС-09, СРНГ-08, СБГ-2 и SGS такое употребление предлога *до* не отмечается. В нашем материале отмечен лишь один случай.

2.3. В составе словосочетания *до этава*, являющегося калькой либо с польского (польск. *do tego* ‘дополнительно, вдобавок’), либо с белорусского языка:

Ну и хлóпцэв, каждáя мéла хлóпца ешчó да этава.

Али мушчíны лóбют так напíцца и паваляцца, хлóпы, ешчó да этава ру́сскыє.

В нашем материале отмечено два примера употребления словосочетания.

3. Предлог *для*

В безличных конструкциях с дат. п. употребляется для обозначения адресата действия или носителя состояния, напр.:

Лесьнічы́ усл..., usłyszał krzyki i пось..., и прибе́г, и распрѹл для валка́ брю́ха.

Я жани́цца не бѹду, бо я памагаю для сямы́.

Всѣ аста́вил для радных́.

А е́сли катѹры́ вме́ет, так не хѹ́эт за папа́ і́сѹ, бо папу́ ничавѹ не мо́жна де́лать, наприме́р, итѹ́ть куды́-то там, гляде́ть го́блых ба́б, как тапе́р пака́зывают касэ́ты там го́де-та. А э́та для папа́ нельзя́ гляде́ть.

Для мене́ и тапе́р добра́.

Во́тки купи́л и да́л для э́тых ру́сских во́тки.

Данное употребление предлога свойственно региональному северо-восточному варианту польского языка (см.: [Głuszkowski, Grzybowski 2016, 255]). В ПОС-09, СРНГ-08 и СБГ-2 такое употребление предлога *для* не зафиксировано. В нашем материале отмечено 16 подобных употреблений предлога у 13 информантов.

4. Предлог *за*

4.1. С вин. п. названий промежутков времени в значении ‘через; по истечении какого-н. времени’, напр.:

В ипита́ль к до́ктарю зайдѹ́ши, ня ма́еши де́нег – дей: и ня ле́чса. Бо ён как тебе́ вы́лечыт, то за дѹ́ве няде́ли но́ги вы́тенеши.

О, тапе́рка за няде́лю ва вто́рник бѹдет му́чыникав Кири́ка и Ули́ты.

За сем лет он бѹ́ет вазро́слый.

Верну́лись дѹ́ве хазя́йки и обе за ме́сяц бѹдут де́тишэк ража́ть.

Но и при́ехал и пазна́л за́раз, бо urlop мел, не? И за дѹ́ве няде́ли я ажані́лся.

Такое употребление, возможно, является семантической калькой польск. *za jakiś odcinek czasu* ‘через (некоторый) промежуток времени’ (см. [Pańko-Kopieczniak 2011, 120]). Наряду с конструкциями с предлогом *за* в данной функции употребляются также конструкции с предлогом *через*. Следует, однако, отметить, что подобное употребление предлога *за* отмечается также в ПОС-10 и СБГ-2, хотя во всех приведённых в ПОС-10 примерах употребления предлога *за* в данном значении речь идёт о прошлых событиях, а в приведённых выше примерах из речи польских старообрядцев — как о прошлых, так и о будущих. Такое употребление предлога *за* отмечается в [SGS, 356]. Не исключено, что в идиолектах некоторых информантов оно появилось не под влиянием польского языка. Отмечено 16 употреблений у 12 информантов.

4.2. С род. п. существительных употребляется при указании на лицо, жизнью или деятельностью которого определяется время совершения действия, а также при указании на явление, событие, факт, с которым совпадает по времени какое-либо действие, напр.:

*Ну, па вмершым пла́кать не на́да, бо он бедный и так напла́кался за жы́зньи.
Перед вайно́й, я пахажу́ са́ма с Глушы́на, по́чта Кrasnopol, то там в май́х
старана́х бы́ла мног дере́внев, и там бы́ла kilka parafii. Ско́лька там? То как
за нёмца.*

— *А когда он был в русском плену? — А, он был за царя́, о!*

*Бо за каму́ны..., как бы́ла каму́на, то с гми́ны прихадил на́каз, што́б такой
хазя́йн, как я, брал касу́ и вот э́ту всю пакшы́ву, ка́кие хва́сты на по́лю есь(ть)
на́да бы́ла вы́касить.*

*Я за два́ццать лет, э́та ужó пришло́, ничэво́ не пастро́бил, ничэво́ не съде́лал за
два́ццать лет. А за каму́ны я, как сюда́ пришо́л, на э́та хазя́йства, то тут о!
стая́ла..., ад́йн бара́чык.*

*Но и я пастро́бил, и дом пастро́бил, и гара́жы, и сс..., абору́ э́ту пастави́л. Все́
съде́лал за каму́ны, а сеча́с ничэво́биэньки.*

От! така́я есь(ть) жы́знья. А за каму́ны э́тава не́ бы́ла.

*За каму́ны э́та бы́ла што́ ино́ва, прие́дит, пагавари́т — ско́лька люде́й? как
пасу́ит? — все пара́димся.*

*А я за сваю́ жы́знью..., Аугусто́в и то то́лька, как ма́ю спра́ву ка́кую зала́твить.
Еичо́ за каму́ни́став э́та бы́ла.*

Все́ э́та де́лали за царо́в.

За ме́ня то там ужэ́ ни́хто́ там ужэ́ не.

Возможно, такое употребление предлога *за* является семантической калькой польск. *za kogoś/czegoś*. В ПОС-09 и СРНГ-08 не отмечается. Следует, однако, отметить, что подобное употребление данного предлога фиксируется в [СБГ-2, 176–179]. Отмечено 19 случаев у 16 информантов.

4.3. С вин. п. употребляется в значении ‘в качестве кого-н., будучи кем-н.’:

Как за ма́льца был, то чыта́л, а посьле пазакíнул.

И тапе́рь ён грит, што́ он бу́дет апя́ть за папа́.

Ейный ба́тька был за папа́.

По мнению И. Грек-Пабис, данное употребление предлога *за* является калькой с польского (польск. *za kogoś*, ‘то же’) либо с белорусского языка ([Grek-Pabisowa 1968, 161–162]). Следует, однако, указать, что подобное употребление зафиксировано также в ПОС-10. В нашем материале выявлено 10 таких употреблений данного предлога у 8 информантов.

4.4. Отмечено одно употребление предлога *za* + тв. п. в значении ‘кто-н. одобряет что-н., соглашается с чем-н.’:

– *Zдесь красивая девушка, ты мог бы на ней жениться. – О, правда, правда, за ётым и я.*

По всей видимости, конструкция представляет собой кальку польской конструкции *ktoś jest za czymś* ‘то же’.

5. Предлог *na*

Отмечено одно употребление предлога *na* + вин. п. в синтаксической конструкции *было/будет на кого-н.* в значении ‘вина за что-н. была/будет возложена на кого-н.’. Данная конструкция является калькой с польск. *jest (było, będzie) na kogoś* ‘то же’:

*Эта всё была на меня, бо я наиболее выдѣлывал, наиболее *potuśłów* мел.*

6. Предлог *o*

6.1. С вин. п. названий какого-н. количества/размера употребляется в сравнительных конструкциях для обозначения разницы между двумя объектами:

Но а тапёрь ужэ ёты Новичэнки..., он, что был ацём Новичэнко, то o год малодиз ат меня.

Он o год малотиз ат меня.

Такое употребление предлога *o* является калькой с польск. *o ileś* ‘на сколько-н.’. Оно не зафиксировано ни в ПОС-22, ни в СРНГ-21, ни в SGS. В нашем материале выявлено лишь два подобных употребления предлога *o* у двух информантов.

6.2. Отмечено одно употребление предлога *o* + предл. п. порядкового числительного, обозначающего время:

Свай мایت о такіи о! в агарод <...> вчарá шичó сдѣлала (...) пашлá a дзевѣнтай спатъ.

Возможно, такое употребление является семантической калькой с польского языка (польск. *o którejś godzinie* ‘во сколько-то часов’). Не исключено, однако, что словосочетание *o дзевѣнтай* ‘в девять (часов)’ в приведённом предложении — случайная фонетическая адаптация польской конструкции *o dziewiątej*. В СРНГ-21 и в ПОС-22 такое употребление предлога *o* отсутствует.

7. Предлог *po*¹⁴

7.1. С предл. п. ед. ч. существительных и местоимений в функции обстоятельства места:

Маеш пуллїтра, идёш, чи там па гораде вязьдэ хódют.

Тут анá былá с éтым Пётрусем, анá сабé нашлá, па интэрнэте нашлá сабé другóва.

Ездили па цéлым сьвэте.

Па цéлым сьвэте раскїнулись.

Употребление конструкций с предлогом *po* + предл. п. мн. ч. в функции обстоятельства места распространено во многих русских говорах, в том числе в говоре старообрядцев, проживающих в Польше. Однако употребление данного предлога в конструкции с предл. п. ед. ч. в речи польских старообрядцев встречается довольно редко, в связи с чем можно предполагать влияние польского языка (синтаксическая калька)¹⁵. Отмечено шесть таких употреблений предлога *po* у пяти информантов.

7.2. С дат. и предл. пп. названий временных точек (дней, событий и т. п.) употребляется в значении ‘после’, напр.:

А па вайны... и ужэ́ былá лúчшэ́ жыть и рабóты, и всё, и тóе, и кварти́ры...

Залатóй крястóк, то бо все мы ма́ем крясткї залатые тапéрь ужэ́ па вайны́.

Эта мне так г(а)варя́т, адна́я там зна́комыя о! в цэ́ркви как бы́ла, штóбы ё́тат о! грит: «Ты, – гврит, – па сьмёрти бу́(д)еш лúчшэ́ выгляда́ть».

То ё́дут самолёты такїм скáтарам, в дéсать сцэ́плина бы́ла, то петна́ццат.

Эта па вайны́, год педэся́тый там, пеэ́сят, мóжа, втарóй, педдэ́сят пя́тый.

Примéру (premiера) мы дава́ли сваїм ру́ским, а патóм па Паски в ю́ни дава́ли нéмцам.

Я ма́ю цукрїцу, и миня́..., апэ́рацыю мэла, и па э́тай апэ́рацыи цукрїцу дастáла и всё́ му́шу дахтарях.

Ну, баю́сь вéчэрэм вóйтить на у́лицу, как напрымéр па пóхаранах, ну то баю́ся.

Ну и три нядéли па сватáнню сьдéлали свáдьбу, ну.

*А кнїжка мая́ былá пéрвая – алемэ́нтаж ё́тат Фáльскава, и то ужэ́ аж па нóвamu гóду. То э́та был сóрак шастóй год, как ужэ́́ *święta* э́та...*

*Мы радї́лися w *grudniu*, а па Ражаствú нас кресьті́ли.*

Па пьянке дятей не зачынайте.

Возможно, такое употребление является калькой польской конструкции *po czymś (jakimś punkcie w czasie)* ‘после чего-л., какой-то точки во времени’. Такое употребление предлога *po* распространено также в белорусских говорах [СБГ-3, 267–269]. В нашем материале отмечено 29 таких употреблений предлога *po* у 21 информанта.

Обращают на себя внимание несколько метонимических употреблений предлога *po*, которые, возможно, являются результатом влияния польского языка:

A w tysięcy lat po Chrystie będzie, będzie rozwiązany dejawal i puściany na nieba... (*po Chrystie* = ‘через тысячу лет после смерти (или рождения) Христа’).

Użé ésta na Germánii nastáwili my, na Germánii. (*na Germanii* = ‘после того, как покинули Германию/вернулись из Германии’).

A janá nie chátela dómu, w górade chátela być, a sáma tóлько na padstawúwke byłá. (*она на падставувке* = ‘у неё начальное образование’).

Употребление предлога *po* с предл. п. в конструкции *кто-л. po чём-л.* в сочетаниях с существительным, обозначающим учебный процесс или вид учебного заведения со значением ‘после завершения обучения’ (польск. *po szutś*) довольно широко распространено в речи польских старообрядцев.

7.3. С предл. п. названий промежутков времени употребляется в значении ‘через, спустя, по истечении какого-н. времени’, напр.:

Эты малодые на два года астаюцца в Африки там тада, па двух годях варачываюцца и жэнюцца и мают тут свой дом, малых i tak dalej.

«Не бойся, за́втра вярну́сь», а верну́лся па трёх днях, альбо и па нядэли.

Добры́ сынóк па трёх днях варачываецца дамо́й, а быва́ла так, што ма́тка да́жа ня зна́ла, где я.

Па гаду́ у́жэ мо́жна пéть и танцава́ць.

Такое употребление предлога *po*, по-видимому, является калькой польск. *po jakimś czasie* ‘спустя какое-то время’. В СРНГ-27 и СБГ-3 подобное употребление предлога не отмечается, оно не зафиксировано также в составленном по материалам 1950–1970-х гг. SGS, и это позволяет утверждать, что в исследуемом говоре предлог *po* в такой значении стал употребляться в последние десятилетия. Отмечено восемь таких употреблений предлога *po* у пяти информантов.

7.4. В темпоральном значении для обозначения неточного времени употребляется в конструкциях с предл. п. количественных числительных, для обозначения точного времени — в конструкциях *сколько-н. минут по чём-н.*:

Сича́с двé мину́ты па васьми́.

Ужé па дву́х.

Сяво́дня па дьвяна́дцати (будет радиопередача о старовегах).

Возможно, такое употребление предлога *po* является калькой польской конструкции *po którejś godzinie*. Подобное употребление данного предлога фиксируется в белорусских говорах [СБГ-4, 268]. Отмечено четыре таких употребления предлога *po* у четырех информантов.

7.5. Обнаружен один случай употребления предлога *po* в составе синтаксической конструкции *было/будет по ком-н.* со значением ‘для кого-н. уже нет спасения’. Данная конструкция является калькой с польск. *jest (było, będzie) po kimś* ‘то же’:

*Я воб ешчó напра́влю, М... сваево́. Мўшу напра́вить, мўшу, бо есьли он пайдёт всьлед за э́тым, што в дярэвне есь, то бу́дет на маім М...*¹⁶.

Одно подобное употребление отмечается в [SGS, 219]: *А то ужэ́ думала и па мне́ бу́дзіт.*

7.6. Выявлено два случая употребления предлога *po* в синтаксической конструкции *уже по чём-н.* в значении ‘что-н. закончилось’:

Ужэ́ па фíльме. (‘фильм уже закончился’)

Ужэ́ па слў́жбе. (‘служба уже закончилась’)

По-видимому, данная конструкция является калькой польск. *już po czymś* ‘то же’.

7.7. Отмечено одно употребление предлога *po* в составе конструкции *кто-н. (1) имеет что-н. по ком-н. (2)* в значении ‘кому-н. (1) принадлежит то, что раньше принадлежало кому-н. (2)’:

Всё́ мае́т па (j)им.

Данная конструкция — калька польск. *ktoś ma coś po kimś* ‘то же’.

7.8. Отмечено одно употребление предлога *po* в составе конструкции *кто-н. (1) имеет что-н. по ком-н. (2)* или *кто-н. (1) является каким-н. по ком-н. (2)* в значении ‘кто-н. (1) является носителем признака, которым раньше обладал кто-н. (2)’:

Чо́рные во́лосы ма́е́т па ма́мы.

Данная конструкция — калька польск. *ktoś ma coś/jest jakiś po kimś* ‘то же’.

8. Предлог *s*¹⁷

8.1. С вин. п. употребляется для обозначения приблизительного количества, напр.:

И вот мы ямаём такіх в дярэвне, то можа, можа, ш чаты́ре навэсiлась.

Эта тóжса паю́т так с час.

Я зна́ю, ско́лька э́тых пэсьнев? Так как палічы́ць, всё так пасчы́таць, то, мо́жэ, ё́стя и са сто, ну! то́ка всех ня по́мницца.

Али так, то што́б так всех запóмнить, ешчó мо́жна бы была са две э́тых пласьтiнки наiгрáць тых пэсьнев.

*То мы как там при́ехали, там, можа, са два мэ́сица бы́ли, зна́ите, в э́тых, так о!
И дóмаю, ш(т)о..., ш(т)о э́та ешчó так о! и э́та на́ша véра то там ешчó трóху там паде́ржыцца с пэся́т лет.*

И ваду́ по́сле вы́лить, а крохма́ль в зад. И я вбiла, э́тава..., яiчка са три.

А яны́ – разбя́гацца, гўси, вазьмі́ палапáй их, а с тры́ццатъ штук óбма бы́ла.

Ча́сым на́да с няде́лю учы́цца э́ту пэсьню, жебу так дóбра научы́цца.

То мы как там при́ехали, то мо́жа са два мэ́сица там бы́ли.

Паляжа́л там ш часо́к.

Ну, я́ нямно́жска малóжэ, мо́жа з гóд.

Выявлено 19 таких употреблений предлога *s* у 17 информантов. В СРНГ-36 такое значение данного предлога не отмечается; в ПОС буква *S* ещё не разработана. Подобное употребление предлога *s* отмечается в СБГ-4, однако некоторые особенности данного употребления в речи старообрядцев, проживающих в Польше, позволяют предполагать, что оно является семантической калькой польской конструкции (*z ileś* ‘примерно столько-то’). Предлог *s* с тем же значением известен в русском литературном языке, где слово, обозначающее предмет, чьё приблизительное количество указывается, как правило, предшествует предлогу, за которым следует название количества (ср. *метров со сто*). Употребление предлога *s* с иным порядком следования обнаружено также во всех примерах, приведённых в СБГ-4. В приведённых выше примерах из говора старообрядцев Польши слово, обозначающее предмет, чьё приблизительное количество указывается, стоит за предлогом *s* и названием количества, что характерно также для польского языка.

9. Предлог *через*⁷

9.1. С вин. п. употребляется в значении ‘из-за; по чьей-н. вине’:

*Ну мо́жна сьмяя́цца, áле так э́та гаваря́т жэ́нiчыны. Э́та..., чэ́рес э́та ругáюцца *czasem*.*

Пось(л)е пришёл к ма..., к мятки и гаваріл, што былі мы, и он чэраз нас самаход пабіл, не?

Скóки я чэраз тебя наплáкалась.

Ну стáлась плóха чэраз... Чэраз их гаспóдь мýсел радíцца яко чэловéк и претярпéть распя́тия, и в трéтий день васкрéснуть и со ада...

Возможно, данное употребление предлога *через* является семантической калькой польской конструкции *przez kogoś/coś*. В SGS употребление предложно-падежного сочетания *чэраз* + вин. п. в функции обстоятельства причины не фиксируется. Подобное значение предлога *чэраз* представлено, однако, в [СБГ-5]. В нашем материале отмечено четыре подобных употребления рассматриваемого предлога у четырех информантов.

9.2. С вин. п. названий промежутков времени употребляется в значении 'в течение':

Бо гаршкí то нармáльна пóлюлам шаравáли, и ужé чэраз сóрык дней ани яйцá не замéтил дóма, ани мýса, ужé не <...>, ужé не взял.

Prawie tró góda né была зьдéсь людéй, то чэраз трó гóда мóжна вýвезьць (моленную), нé?

Гаспóдь чэраз шéсьць днéй сатварял мíр.

В рассмотренном материале отмечено три употребления предлога *через* в упомянутой функции. По-видимому, подобное употребление является семантической калькой польск. конструкции *przez jakiś odcinek czasu* 'то же'.

Выводы

В речи старообрядцев, проживающих в Польше, обнаружены многочисленные употребления предлогов, свойственные также польскому языку, которые, возможно, представляют собой результат влияния последнего. Часть из них не фиксируется в русских и белорусских диалектных словарях (ПОС, СРНГ, СБГ), другие же употребления отмечаются в упомянутых словарях. Однако трудно установить, являются ли они семантическими или синтаксическими кальками с польского языка, или же это диалектное явление, утвердившееся в говоре (точнее, в идиолектах) старообрядцев до их переселения в Польшу либо появившееся в рассматриваемом говоре под влиянием другого языка или говора. Для этого требуется более подробное исследование, с учетом также диахронического аспекта.

В нашем материале отмечены и редкие интерферентные употребления предлогов в речи ограниченного количества информантов или же в единичном употреблении. В этом случае трудно делать вывод о том, являются ли они диалектной закономерностью или же представляют собой лишь индивидуальное или единичное употребление. Установление характера такого употребления предлогов требует детального анализа всего имеющегося материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О результатах влияния польского языка на русский говор старообрядцев, проживающих в Польше, писали, в частности, М. Глушковски [Głuszkowski 2011], Д. Пасько-Конэчняк [Paško-Koneczniak 2008; 2009; 2010a; 2010b, 2011; 2013]; С. Гжибовски [Grzybowski 2010].

² См. описание собранного языкового материала [Głuszkowski, Grzybowski 2016, 30–31]. Подробнее о методике подбора информантов, их характеристике, методах проведения интервью и т. д. см. в [Głuszkowski 2011, 60–75].

³ Поскольку в ПОС буква П ещё не до конца разработана, не удалось проверить употребления предлога *no* в псковских говорах.

⁴ Следует отметить, что в ед. ч. у сущ. ж. р. формы дат. и предл. пп. совпадают, ввиду чего различие этих форм проявляется лишь у сущ. муж. и ср. р.

⁵ В целях сохранения анонимности информанта и его родственников имя (употребленное в предл. п.) не приводится.

⁶ Учтены все фонетические варианты данного предлога: *са, съ, ш, з, зь*.

⁷ Учтены все фонетические варианты данного предлога: *чэрез, чэраз, чэрээ*.

ЛИТЕРАТУРА

- Głuszkowski M., 2011: *Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego*, Toruń.
- Głuszkowski M., Grzybowski S., 2016: *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce*. Wybór tekstów. Toruń.
- Grek-Pabisowa I., 1968: *Rosyjska gwara staroobrzędowców w województwach olsztyńskim i białostockim*. Wrocław.
- Grek-Pabisowa I., 1999a: Próba określenia wspólnych cech rozwojowych gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym, in I. GrekPabisowa (ред.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa, 69–79.
- Grek-Pabisowa I., 1999b: Gwara starowierców a północno-wschodnie gwary białoruskie (cechy fonetyczne), in I. GrekPabisowa (ред.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa, 117–127.
- Grzybowski S., 2010: Гибридизация русского старообрядческого говора в Польше, *Studia Rossica Posnaniensia*, XXXV. Poznań, 67–76.
- Paško-Koneczniak D., 2008: Kilka uwag o wpływie języka polskiego na składnię rosyjskiej gwary staroobrzędowców z Gabowych Grądów i Boru, in K. Pietrzycka-Bohosiewicz, A. Wawrzyńczak, B. Gołąbek (ред.), *Słowianie w Europie. Historia. Kultura. Język III*. Kraków, 431–438.

- Paško-Konecniak D., 2010a: Wpływ języka polskiego na zasób leksykalny rosyjskiej gwary staroobrzędowców w ośrodku augustowskim, in B. Kodzis, M. Giej (red.), *Studia i szkice slawistyczne X. Słowianie wschodni na emigracji. Literatura, kultura, język*. Opole, 475–479.
- Paško-Konecniak D., 2010b: Hybrydy językowe w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w ośrodku augustowskim, in W. Kuligowski (red.), *Nowe Języki. Studia z zakresu kreolizacji języków i kultur*. Poznań, 95–102.
- Paško-Konecniak D., 2011: *Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny polskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie*. Toruń.
- Paško-Konecniak D., 2013: *Wpływ języka polskiego na idiomatykę rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie*, in J. Mędelska, E. Titarenko (red.), *Dialog kultur. Języki wschodniosłowiańskie w kontakcie z polszczyzną i innymi językami europejskimi*. Bydgoszcz 2013, 49–57.
- Weinreich U., 1963: *Languages in contact: Findings and problems*. The Hague.
- SGS: *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk. 1980.
- Дуличенко А. Д., 1998: Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания, in А. Дуличенко (red.), *Языки малые и большие...: In memoriam acad. Nikita L. Tolstoi*. Tartu, 26–36.
- ПОС: *Псковский областной словарь с историческими данными*, вып. 1–24, изд. Ленинградского / С.-Петербургского университета, 1967–2013.
- СРНГ: *Словарь русских народных говоров*, вып. 1–44. Москва–Ленинград–Санкт-Петербург, 1965–2011.
- СБГ: *Словарь белорусских говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья*. Мацкевич Ю. Ф. (red.). Т. 1–5. Минск, 1979–1982.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Dulichenko A. D., 1998: Jazyki malych jetnicheskich grupp: status, razvitie, problemy vyzhivaniya, in A. Dulichenko (red.), *Jazyki malye i bol'shie...: In memoriam acad. Nikita L. Tolstoi*. Tartu, 26–36.
- Głuszkowski M., 2011: *Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego*. Toruń.
- Głuszkowski M., Grzybowski S., 2016: *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce*. Wybór tekstów. Toruń.
- Grek-Pabisowa I., 1999b: Gwara starowierców a północno-wschodnie gwary białoruskie (cechy fonetyczne), in I. GrekPabisowa (red.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa, 117–127.
- Grek-Pabisowa I., 1999a: Próba określenia wspólnych cech rozwojowych gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym, in I. GrekPabisowa (red.). *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa, 69–79.
- Grek-Pabisowa I., 1968: *Rosyjska gwara staroobrzędowców w województwach olsztyńskim i białostockim*. Wrocław.
- Grzybowski S., 2010: Gibridizacija russkogo staroobrjadcheskogo govora v Pol'she, *Studia Rossica Posnaniensia*, XXXV. Poznań, 67–76.

- Paško-Koneczniak D., 2008: Kilka uwag o wpływie języka polskiego na składnię rosyjskiej gwary staroobrzędowców z Gabowych Grądów i Boru, in K. Pietrzycka-Bohosiewicz, A. Wawrzyńczak, B. Gołąbek (red.), *Słowianie w Europie. Historia. Kultura. Język* III. Kraków, 431–438.
- Paško-Koneczniak D., 2010a: Wpływ języka polskiego na zasób leksykalny rosyjskiej gwary staroobrzędowców w ośrodku augustowskim, in B. Kodzis, M. Giej (red.), *Studia i szkice slawistyczne X. Słowianie wschodni na emigracji. Literatura, kultura, język*. Opole, 475–479.
- Paško-Koneczniak D., 2010b: Hybrydy językowe w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w ośrodku augustowskim, in W. Kuligowski (red.), *Nowe Języki. Studia z zakresu kreolizacji języków i kultur*. Poznań, 95–102.
- Paško-Koneczniak D., 2011: *Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny polskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie*. Toruń.
- Paško-Koneczniak D., 2013: Wpływ języka polskiego na idiomatykę rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie, in J. Mędelska, E. Titarenko (red.), *Dialog kultur. Języki wschodniosłowiańskie w kontakcie z polszczyzną i innymi językami europejskimi*. Bydgoszcz, 49–57.
- POS: *Pskovskij oblastnoj slovar' c istoricheskimi dannymi*, vyp. 1–24. Leningrad – S.-Peterburg, 1967–2013.
- SBG: *Slovar' beloruskich govorov severo-zapadnoj Belorussii i ee pogranich'ja*. Mackevich Ju. F. (red.). T. 1–5. Minsk, 1979–1982.
- SGS: *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk. 1980.
- SRNG: *Slovar' russkich narodnyh govorov*, vyp. 1–44. Moskva–Leningrad–Sankt-Peterburg, 1965–2011.
- Weinreich U., 1963: *Languages in contact: Findings and problems*. The Hague.

ADAM JASKÓLSKI

The Influence of the Polish Language on the Semantics, Syntax and Pragmatics of Prepositions in the Speech of the Old Believers living in Poland

The main aim of this paper is to present the influence of the Polish language on the semantics, syntax and pragmatics of prepositions that are being used by Polish Old Believers. Nowadays, the Polish Old Believers live in a language island. Language islands are detached from their ethnolinguistic roots and suffer a constant shortage of language structures. On the one hand, they acquire the language of the dominant group; on the other hand, it is important for them to preserve the language of their ancestors. The Old Believers' Russian dialect is and has been under the influence of the Polish language for over a century. The author presents prepositions that were observed in the speech of Old Believers living in Poland and are also typical for the Polish language. Thus, in all probability, they can be considered as a result of Polish influence in the Russian dialect.

Keywords: bilingualism; interference; Russian dialect; Polish language; language island; Old Believers; semantics.

ADAM JASKÓLSKI

Lenkų kalbos įtaka prielinksnių semantikai, sintaksei ir pragmatikai Lenkijos sentikių šnektose

Šio straipsnio tikslas – pateikti potencialios lenkų kalbos įtakos prielinksnių semantikai, sintaksei ir pragmatikos ypatumams, užfiksuotiems Lenkijos sentikių šnektose, rezultatus. Lenkijos sentikių šnektos – izoliuotos rusų tarmių salos Lenkijos teritorijoje. Esminis šių salų sociolingvistinės situacijos bruožas – kalbiniai kontaktai, kurie sukelia įvairialypę kalbų interferenciją. Lenkijos sentikių rusų šnektos nuolat veikiamos lenkų kalbos. Lenkų kalbos interferencija pasireiškia įvairiais tarminės sistemos lygmenimis. Straipsnyje pateikiami Lenkijos rusų sentikių šnektose užfiksuoti prielinksnių vartojimo pavyzdžiai, kurie būdingi ir lenkų kalbai ir kuriuos greičiausiai galima laikyti lenkų kalbos įtakos rezultatu.

Reikšminiai žodžiai: dvikalbystė, interferencija, lenkų kalba, rusų šnektos, semantika, sentikiai, tarmės sala.

Поступило в редакцию: 18 апреля 2017 г.

Принято к печати: 15 июня 2017 г.

Адам Яскульски, кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации в Институте русистики Варшавского университета.

Adam Jaskolski, PhD, assistant professor, University of Warsaw, Institute of Russian Studies, Division of Language Communication.

Adam Jaskólski, humanitarinių mokslų daktaras, Varšuvos universiteto Rusistikos instituto komunikacijos katedros docentas.

E-mail: adam05@op.pl

АЛЛА ЛИХАЧЕВА

РУССКАЯ
КОММУНИКАТИВНАЯ
КУЛЬТУРА
И ЕЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ
ПРОЯВЛЕНИЯ

**В СОПОСТАВЛЕНИИ
С ЛИТОВСКОЙ
И ДРУГИМИ КОММУНИКАТИВНЫМИ
КУЛЬТУРАМИ**